

ОСОБЕННОСТИ УСТРОЙСТВА ИНСТИТУТА МИРОВЫХ СУДЕЙ В ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ СИБИРИ: ВОПРОСЫ СУДЕЙСКОЙ НЕЗАВИСИМОСТИ И ИСПОЛНЕНИЯ НЕСУДЕБНЫХ ОБЯЗАННОСТЕЙ

Рассматриваются главные новшества в организации российской мировой юстиции конца XIX в. и их применение в Сибири: местные суды наделялись обязанностями судебных следователей и нотариусов, а также лишались самостоятельности. Сделан вывод, что многофункциональность вместе с ограничениями независимости и несменяемости имели негативные последствия для деятельности сибирских мировых судей и отправления правосудия в целом.

Ключевые слова: судебное законодательство; мировой суд; Сибирь.

С проведением судебной реформы 1864 г. россияне получили шанс впервые апробировать незнакомые им раньше свободы, гарантированные установлением независимой судебной власти, теперь реально препятствовавшей произволу самодержавия. Либерализм эпохи не в последнюю очередь воплотился в установлении доступного и равного для всех выборного мирового суда, состоявшего из независимых и несменяемых единоличных судей, объединявшихся в самостоятельных корпоративных съездах в качестве второй инстанции. Однако, вступив в конфликт с авторитарным режимом, новая юстиция, с одной стороны, с первых дней существования стала испытывать нападки правительства, с другой – исправлялась по воле царского законодателя, неся ущерб собственному либеральному строению. С задержкой и дополнительными искажениями, часто продиктованными местными особенностями, реформировалась судебная система в провинциях страны.

В крупнейшем регионе – Сибири – Судебные уставы Александра II вводились на основании закона 13 мая 1896 г. [1] в то время, когда царизм уже задействовал и продолжал энергично использовать широкий арсенал средств для решения выдвинувшихся на первый план задач приспособления правосудия к политическому режиму и разнообразию имперского пространства. Значительный урон от консервативной судебной политики государства понес мировой суд. В конце XIX в. при проведении судебной реформы на окраинах страны уже не шло речи о выборности мировых судей, и во многом этим был продиктован практиковавшийся отказ от их съездов, задуманных в 1860-х гг. для того, чтобы установить барьер вмешательству в мировое судопроизводство извне. Ликвидация мирового суда в 1889 г. на большей части Европейской России, прежде всего в тех регионах, где были сильны позиции помещиков, наполнивших приходившее на смену мировым судьям судебно-административное учреждение земских участковых начальников, привела к негативным последствиям. Эта мера, продиктованная чуждым прогрессу курсом Александра III, кроме своей реакционности (в определенной степени реанимировалась власть помещного дворянства над крестьянами, утраченная им в ходе отмены крепостного права [2. Р. 285–325]), явно ухудшила дело правосудия в сельской местности. Массовые злоупотребления и некомпетентность начальников очень быстро заставили вспомнить ми-

ровых судей добрыми словами даже их прежних критиков [3. С. 34].

Между тем непосредственно в процессе подготовки преобразования в Сибири, по словам министра юстиции Н.В. Муравьева, «были приняты в соображение... производящиеся общие работы по пересмотру Судебных уставов» [4. С. 5], которыми занималась под руководством указанного государственного деятеля «муравьевская» комиссия в 1894–1899 гг. [5. Р. 161–184] (начало разработке сибирской судебной реформы положено 20 октября 1894 г. учреждением специальной комиссии под председательством товарища министра юстиции П.М. Бутовского [6. Д. 240. Л. 1]). Тогда планировалось «приблизить» суд к населению, «упростить правосудие», «удешевить» судопроизводство для населения «без лишнего отягощения казны», ограничить судебную автономию путем «проникновения» судебной системы «безличным правительственным началом», назначения всех без исключения должностных лиц судебного ведомства и установления «бдительного и строгого» правительственного «воздействия на суд» [7. С. 32–33]. Подразумевались падение роли судебной власти и дальнейшее возвышение над ней администрации, что неминуемо влекло за собой понижение статуса судей, в частности мировых.

По всем без исключения базовым позициям, обеспечивавшим судебную независимость новой российской юстиции (в качестве основополагающих компонентов самостоятельности российского пореформенного суда, к примеру, Т.Е. Планк выделяет несменяемость и высокую квалификацию судей, их достойное жалование и безусловный авторитет в глазах населения [8. Р. 1–74]), в конце XIX в. при устройстве мирового института в Сибири наносился сокрушительный удар. В соответствии с законом 13 мая, в полной мере отражающим тенденции момента, мировые судьи края не избирались и лишались несменяемости. Назначение, перемещение и увольнение участковых и добавочных мировых судей всецело зависело от министра юстиции, им присваивался 6-й класс по чинопроизводству, а не 5-й, как предусматривалось уставами, и только для почетных мировых судей устанавливался трехгодичный срок исполнения обязанностей. Явный вред началам судебной независимости и справедливости судопроизводства причинял отказ от принципа специализации, воплотившийся в возложении на мировых судей несудебных обязанностей,

прежде всего, функций судебных следователей (таким образом, судьи подчинялись лицам прокурорского надзора и обстоятельствам, вытекавшим из необходимости расследовать преступления), а в малонаселенных частях края – еще и нотариусов. Для сибирских мировых судей, несмотря на их многофункциональность и сложность труда в суровом крае, предусматривалось пониженное содержание, обрекающее на служебную и личную «нищету». Н.В. Муравьев сообщил Николаю II, что «сибирский судебный округ» обходился казне на четверть дешевле по сравнению с остальными российскими округами [6. Д. 250. Л. 10], а ежегодное финансовое обеспечение здешних мировых судей, включавшее жалование, например, устанавливалось на внушительных 600 руб. меньше, чем в 1898 г. в соседней Центральной Азии. Примечательно, что в компактной и комфортной в природно-климатическом отношении Черноморской губернии по закону 23 мая 1896 г. мировые судьи получали за свою деятельность больше денег: им ежегодно «на разъезды» прибавлялось по 200 руб. [9], которые, как показало будущее, очень быгодились судьям в Сибири.

Положение последней в дореволюционной России современные историки в продолжение сибирских дореволюционной и советской историографических традиций и сейчас определяют как обделенной имперским центром в правах и материальных выгодах: «Сибирь всегда давала стране больше, чем получала. При этом получала не то, что хотело население региона, а то, что предлагали Петербург и Москва» [10. С. 97]; «нужды сибирского населения всегда ставились на последнее место, если они не соответствовали интересам государства или российских предпринимателей» [11. С. 265]. В силу пристрастий и внутривластных приоритетов царизма, а также специфики край являлся площадкой для экспериментов над собственной юстицией начиная с первой половины 1860-х гг. Однако ставившийся с тех пор вопрос о возможности судебного преобразования и введении мирового суда решался по-разному: сначала столичные и региональные чиновники с опорой на мнения представителей сибирских администраций, судебных деятелей и общественности озадачивались обсуждением тех мер, применение которых действительно позволило бы приспособить общее судоустройство и судопроизводство к уникальным условиям окраины; в 1890-х гг. все мероприятия готовились в министерских кабинетах с учетом правительственных интересов и очевидным пренебрежением потребностями зауральских владений, апробировались авантюрные новации с заведомо сомнительными результатами и выгодами для сибиряков и постановки правосудия вообще [12. С. 3–20].

В первоначальных предположениях комиссии П.М. Бутовского относительно будущего устройства сибирских судебных учреждений предлагалось ограничить в независимости и несменяемости всех судей региона вообще, но члены Государственного совета в ходе рассмотрения министерского проекта настояли на том, чтобы статус чиновников коронных коллегияльных судов остался таким же, как и в остальной России. Подчеркивалось, что за Уралом «обеспечение

самостоятельности должностных лиц, ведающих судебные дела, составляет одно из самых надежных ручательств беспристрастного отправления правосудия, а вместе с тем и одно из главных условий правильного судоустройства»; именно там, «где, вследствие издавна установившихся привычек, имеют место сторонние влияния в самых широких размерах», по мнению сановников, было «видеть судей в положении возможно независимом не только желательно, но совершенно необходимо». Относительно мировых судей, впрочем, использовались иные логика и аргументация, приводившие к заключению даже о вредности их несменяемости: допускалось, что на места таковых в силу неизбежных погрешностей могли быть назначены люди, «не обладавшие нужными нравственными и служебными качествами», и в этих случаях считалось нормальным, если увольнение недостойных служащих будет подчинено «усмотрению той власти, которой предоставлено и само определение их на должность» [13. С. 286–287, 289–290].

В первых же комментариях представителей общественности закон 13 мая подвергался критике. «Полная зависимость судей от министра юстиции и при назначении, и при перемещении, или увольнении, является очень неблагоприятной особенностью этих правил», – писал популярнейший журнал «Русская мысль». Также утверждалось, что «мировой институт по выбору вполне возможен теперь в Сибири, так как городское население возросло, а проведение железной дороги обещает дальнейшее и быстрое возрастание» [14. С. 174]. Известный общественный деятель и публицист Н.Ф. Анненский указывал: «Именно в Сибири особенно важно видеть мирового судью в таком положении, которое исключало бы даже и самую мысль о доступности его посторонним влияниям и воздействиям». Ему думалось, что выполнить миссию насаждения правосудия в крае «с гораздо большим успехом может независимый и самостоятельный судья, нежели простой чиновник судебного ведомства» [15. С. 173].

Между тем статья 11 закона 13 мая возложила в Сибири, вразрез с пожеланиями некоторых местных судебных деятелей, обязанности съездов мировых судей на окружные суды (во второй половине 1880-х гг., когда проблему начали обсуждать, председатель Тобольского губернского суда З.Н. Герасченевский, тобольский губернский прокурор К.Б. Газенвинкель и бывший председатель Иркутского губернского суда А.А. Клопов, вопреки установке чиновников Министерства юстиции, решительно высказывались за введение в крае этих корпоративных учреждений [16. Д. 9921°. Л. 21; Д. 10393. Л. 39]). Примененный порядок, по мнению выдающегося дореволюционного процессуалиста И.Я. Фойницкого, «совершенно разрушал идею Судебных уставов о разделении юстиции на мировую, или местную, и общую» [17. С. 299]. Этим порядком наносился ущерб независимости мирового института. В корреспонденции ведущей российской юридической газеты «Право» отмечалось: «Самостоятельности мирового суда не будет, если он будет поставлен в слишком тесную связь с коронным судом» [18]. Образовать в крае съезды мешали какие-

то умозрительные, без особой конкретизации в комиссии П.М. Бутовского, «значительные затруднения» [19. С. 12], но в практической плоскости их отсутствие «вместо предполагавшихся удобств, породило только неудобства» (оценка мирового судьи с девятилетним стажем, а затем томского адвоката В.Н. Анучина) [20]. Чиновники ограничивались в самодельности, лишаясь возможности обмениваться опытом. В действительности отчетливо обнаружилась невыполнимость «для заброшенного в захолустье судьи посоветоваться со знающим человеком», что, по мнению старшего председателя Омской судебной палаты В.В. Едличко, стало одной из основных причин недостатков в деятельности мировой юстиции [21. Д. 350. Л. 3]. В.Н. Анучин писал: «Беспрестанно встречаются юридические вопросы, над которыми должен подумать даже опытный юрист, не то что “начинающий карьеру” молодой человек, каким, обыкновенно, бывает мировой судья. Книги, всевозможные неофициальные руководства для судебных следователей, для судей – про Сибирь молчат. Сосед судья – самое меньшее за 75 верст, а разрешать вопрос нужно скорее. И судья разрешает его наугад, под страхом личной ответственности в случае ошибки» [22. № 49/50. С. 35–36]. Некоторые мировые судьи края, в подтверждение сказанному, прямо жаловались: «Советами пользоваться было не у кого» [23. Д. 183. Л. 14–14 об.].

Не получив съездов, регион много потерял. В свое время на российской периферии они олицетворяли собой главнейшие принципы нового суда, все то, что отличало его от дореформенных судилищ. Для многих подданных именно в этих регулярных собраниях мировых судей воплощались гласность, состязательность, равенство для всех и доступность судопроизводства, в конце концов, престиж судебной власти. В дни съездов в одном месте сосредотачивалось местное юридическое сообщество, нередко заключавшее в себе лучшие интеллектуальные силы. Подобные стечения юристов и народа, становясь вершиной торжества правосудия, являлись знаменательным событием в безмятежной и размеренной провинциальной жизни, и всего перечисленного лишилось сибирское общество. Что собой представляли съезды в глубинке, можно узнать из воспоминаний мирового судьи первых отечественных наборов В. Назарьева: «Прежде всего, с понятием о съезде, обыкновенно собирающемся в городе, соединяется понятие о суде гласном и публичном. Съезд представляет едва ли не единственное развлечение городских обывателей, а дела, решенные съездом, вызывают нескончаемые толки, пересуды и некоторое волнение умов не только в среде бедного населения, но даже в наших клубах и гостиных; наконец, на съезде выступают местные адвокаты и ораторы, присутствует товарищ прокурора, лицо совершенно независимое, и, не стесняясь никакими побочными, часто вредящими делу обстоятельствами, дает свое заключение. Все это вместе притягивает на съезд толпу более или менее заинтересованных лиц, прислушивающихся к решениям и приговорам, притягивает до такой степени, что при первом сколько-нибудь выдающемся деле помещение оказы-

вается слишком тесным, и нахлынувшая публика должна расходиться по домам» [24. С. 171–172].

Таким образом, вроде бы теоретические и частные проблемы правового положения сибирских мировых судей имели вполне реальное воплощение в препятствиях их успешной деятельности, поскольку затрагивали вопросы судебных престижа и авторитета, рациональности судоустройства. Местная пресса в первые же дни функционирования реформированных судов (открывались 2 июля 1897 г.) рассказывала, что некоторые лица, назначенные на должности сибирских мировых судей, отказывались ехать в край, поскольку понижение в классе должности влекло за собой уменьшение размера будущей пенсии [25]. Сибиряков, по словам тобольского губернатора Л.М. Князева, «восторженно приветствовавших» судебную реформу [26. С. 13], в дальнейшем ожидало разочарование, и не в последнюю очередь потому, что ближайšie к ним суды не смогли заслужить должного доверия. Например, на крестьянском съезде Тобольского уезда в 1905 г. собравшиеся единодушно выступили за выборность мировых судей, а жители Ашлыкской волости указали: «Крестьяне желают, чтобы судьями были люди, пользующиеся хорошим именем, а не так как теперь – судьи назначаются начальством и почему-то хорошие из них вдруг переводятся на другое место» [27. С. 37]. Несколькими годами раньше член Красноярского окружного суда Е.Г. Шольп, обобщив собственный опыт прежней службы в должности мирового судьи и изучив отзывы крестьян и уездных чиновников, пришел к заключению, что одной из насущных «правовых нужд» сельского населения Енисейской губернии являлась судебская выборность [28].

В лице Юридического общества при Императорском Томском университете, представлявшем собой содружество правоведов-теоретиков (профессора университета) и правоведов-практиков (члены окружных судов, прокуроры, адвокаты, мировые судьи), вся сибирская общественность от юриспруденции решительно настаивала на расширении самостоятельности мировых судей. В протоколе заседания Судебной комиссии при обществе от 6 февраля 1910 г. говорилось: «По вопросу о несменяемости мировых судей в комиссии не возникло принципиальных разногласий; все члены комиссии, как и опрошенные судебные деятели Сибири, признали, что несменяемость является одним из условий правильного отправления трудных и тяжелых судебных обязанностей. Особенно желательно установление несменяемости для мировых судей Сибири». Чтобы избежать вероятности злоупотребления недобросовестными чиновниками таким важным правом, томские юристы предлагали установить порог в виде обязательного наличия трехлетнего стажа службы для наделения мирового судьи несменяемостью. За некоторым исключением, члены общества выражали положительное отношение и к началу избрания судей в целом, считая его вполне осуществимым в сибирских городах; в деревне же признавалась целесообразность пока сохранить назначаемость [29. С. 2, 8–9, 13–15].

Ограничения в организации сибирского мирового суда были прямым следствием намерений «муравьев-

ской» комиссии, которую ее сотрудник великий русский юрист А.Ф. Кони назвал однажды комиссией «об упразднении Судебных уставов» [30. С. 269]. Сам Н.В. Муравьев, являвшийся на словах горячим поборником либеральных начал, в суждениях многих современников представлялся ретроградом, с именем которого в конце XIX в. ассоциировалась деградация новых российских судов. Министр, по мнению его неизменного оппонента министра финансов С.Ю. Витте, «спустил флаг независимости юстиции» [31. С. 262], являлся, по оценке А.Ф. Кони, «фальсификатором правосудия» [32. С. 218], а также, как считал профессор-юрист Томского университета Н.Н. Розин, – идеологом тех реакционных сил, «которым были не только чужды, но и невыносимы принципы, заложенные в основание судебной реформы 1864 года» [33. С. 71]. Разработанные комиссией проекты не удостоились законодательной санкции, но под их влиянием проходило реформирование правосудия на окраинах империи: в 1896–1899 гг. аналогичное сибирскому устройство мирового суда получили Архангельская и Черноморская губернии, Центральная Азия и Закаспийская область [34].

«Муравьевская» комиссия, в какой собственно понятие «мировой» исключалось из лексикона [35. С. 269], переведя участковых судей из 5-го класса в 6-й, подчинила их назначению не «Высочайшей власти», а министру юстиции и, следовательно, – министерской администрации, в формировании судейского корпуса, по уверению известного правоведа И.В. Гессена, допускавшей «случайность», «участие протекции и искательства» [36. С. 257]. Сменяемый и пониженный в чине судья, по оценке И.В. Михайловского, примерившего позже на себе роль мирового судьи в Сибири и ставшего преподавателем университета в Томске [37. С. 165–167], был «слишком далек от идеала независимого и авторитетного судьи Судебных уставов» [38. С. 88].

В начале XX в. взгляд на положение мировых судей в стране характеризовался существенными подвижками, вызванными общественно-политическим подъемом. Под давлением общественности и самих судебных деятелей возрождалось начало судейской выборности, воплощенное в законе 15 июня 1912 г. «О преобразовании местного суда», рассчитанном, однако, лишь на регионы с земскими учреждениями [30. С. 273–290; 39]. К их числу Сибирь, как известно, не относилась, а желаемый сибиряками и даже восхваляемый с кафедры единственного университета края порядок избрания мирового института [40] здесь так и не получил апробации.

Тот самый закон 1912 г. фактом восстановления самостоятельного мирового суда признал непригодным судебно-административное начало в устройстве власти на местах, но в конце XIX в. его применение, исказившее понимание миссии мирового правосудия, одним из отрицательных результатов имело окончательное разрушение идеи незыблемости и безупречности системы уставов 20 ноября: после того как в 1889 г. в лице земских начальников соединили вопреки принципу разделения властей функции управления и суда, ничего уже не препятствовало идти на даль-

нейшие эксперименты над судоустройством, используя в них различные совмещения обязанностей. Как можно теснее сосредоточить в руках одних и тех же судей разные функции, сделав их ближе к подданным в пространственном отношении, при этом тратиться на содержание меньшего числа сотрудников – замыслы, являвшиеся весьма притягательными для чиновников Министерства юстиции, готовивших сибирскую судебную реформу. Приводившиеся тогда аргументы в пользу соединения нескольких обязанностей в сибирском мировом суде [12. С. 13–14] по сути повторяли доводы тех, кто ранее поддерживал введение участковых начальников. И тем и другим одинаково симпатизировала идея многофункциональности и следовавшего за этим сокращения затрат государственного казначейства: «Задача приближения власти к населению сводится или к увеличению числа должностных лиц настолько, чтобы, невзирая на малонаселенность территории, органы власти были бы везде близки к населению; или к такому распределению работы, которое дало бы возможность ограничить деятельность каждого органа власти, без увеличения их числа, малым по пространству участком. Первый прием невозможен без понижения качеств личного состава служебных сил, вызывает притом увеличение расходов и податной тягости населения, а потому и нежелателен. Второй представляет собой единственный выход. Он заключается в отказе, для малонаселенных местностей, от принципа разделения властей и в подчинении всей организации началу объединения власти в одних руках. Тогда органы власти в прежнем не увеличенном числе, выполняя разнообразные функции управления, будут действовать каждый на пространстве малого участка; власть станет близко к населению, и непроизводительная затрата сил на передвижение устранилась» [41. С. 217–218].

Озадаченная, прежде всего, улучшением состояния предварительного следствия, а не местной юстиции, «муравьевская» комиссия выбрала второй путь. Отказавшись от мысли об увеличении числа судебных следователей, большинство ее членов соглашались с «соединением в одной должности обязанностей единоличного судьи и следователя» [13. С. 24–32]. У решения нашлись противники в самой комиссии. А.Ф. Кони, в принципе сомневаясь в целесообразности возложения на участковых судей следовательских обязанностей, допускал такой порядок лишь при условии учреждения специальной «судебной полиции», занимавшейся бы расследованием незначительных дел [42. Д. 667. Л. 17–18 об.]. В.А. Желеховский писал: «Можно *a priori* безошибочно предсказать, что участковые судьи, заменив неудовлетворительных следователей, окажутся еще менее удовлетворительными в качестве одновременных следователей и судей». И.П. Закревский, остроумно замечая, что «при русских пространствах, как не приближай суд к населению, а все-таки окажется далеко», заявил: «Отмена самостоятельного института судебных следователей и возложение обязанностей производства предварительных следствий на должностных лиц, занятых, сверх того, судейскими и нотариальными обязанностями, представляет собой коренное ухудшение су-

ществующего судебного строя» [13. Приложения. С. 6, 10].

Действительно, за рассуждениями о территориальной близости к населению и удешевлении чиновники забывали подумать о качестве правосудия и его приближении к россиянам и сибирякам в этом смысле. Ни в «муравьевской» комиссии, ни тем более в той, которая разрабатывала положения судебного преобразования в Сибири, не сильно задавались вопросом, насколько необременительные по отдельности обязанности окажутся тяжелыми вместе, ничего не говорилось об авторитете и престиже судебной власти, которые с применением режима судьи-следователя падали, так как единоличный местный суд, и без того ущемленный в независимости, подчиняясь прокурорским работникам в следовательской деятельности, окончательно ее утрачивал (когда чуть позже на тех же основаниях готовилось судебное преобразование в Центральной Азии, именно на это обстоятельство указывал последовательный противник применяемого устройства туркестанский генерал-губернатор А.Б. Вревский [43. Д. 38. Л. 94]).

За исключением служащих Министерства юстиции, наблюдалось общее неприятие употребленного на окраинах империи нововведения. К «неблагоприятным симптомам» относил создание института судьи-следователя в Сибири И.В. Михайловский [38. С. 88]. Опытный юрист и знаток прежнего развития российской мировой юстиции П. Стаматов предсказывал плачевные перспективы подобного преобразования в сибирских условиях: «Я убежден, что практика не замедлит явить всю несостоятельность возложения следственной части на мировых судей, и без этого обремененных массой других служебных обязанностей» [44. С. 37].

Модель полифункционального единоличного судьи сразу продемонстрировала свою несостоятельность. Порядок, при котором «мировой судья для пользы дела должен сидеть на месте, а для пользы другого должен быть подвижен, для пользы обоих должен обладать огромными знаниями законов и местной жизни и, кроме этого, должен, как нотариус, отвечать требованиям населения по удовлетворению их правовых нужд» [22. № 46/47. С. 36], породил волокиту («такой медленности в отправлении правосудия много способствовало также совмещение в лице мировых судей функций следователей и нотариусов», – констатировала, например, «Сибирская жизнь» [45]) и отпугивал чиновников (местная пресса распространяла слухи, что некоторые из назначенных в край мировых судей, узнав о необходимости быть еще и следователями, отказывались от должностей [46]). Даже несложные на первый взгляд нотариальные функции не осуществлялись должным образом. Томский адвокат и будущий премьер-министр антибольшевистских правительств времен Гражданской войны П.В. Вологодский ровно через год после проведения судебной реформы в Сибири отмечал, что мировые судьи либо пренебрегали нотариальной работой, либо с ней не справлялись: «Обязанные исполнять нотариальные действия мировые судьи избегают этих новых обязанностей, да и не могут их правильно

отправлять за разнообразием и сложностью других своих обязанностей» [47].

Закон 13 мая, сосредоточив в одном учреждении разные и малосовместимые направления деятельности по ведомству Министерства юстиции, не решил главную задачу – правосудие не приблизилось к населению. Потеря большого количества рабочего времени из-за многофункциональности, чудовищные служебные перегрузки и волокита (например, к рубежу первого и второго десятилетий в Томской губернии накопилось столько дел столько, что на их рассмотрение при условии игнорирования вновь возникших производств требовалось не менее двух лет [48. С. 238–239, 254–255]), создаваемый невыносимыми условиями труда хронический «кадровый голод», низкое качество и судебской, и следовательской, и нотариальной работы только отвращали от судебной власти наблюдавших все это сибиряков. Соединение судебских и следовательских функций томский поверенный Р.Л. Вейсман назвал «несчастливым браком, требующим немедленного развода» [49. С. 41]. Другой современник указывал, что сибирскому мировому судье была уготована роль «вечно спешащих следователей и никогда не успевающих судей» [50. С. 45]. Обязанность проведения предварительных следствий, писал В.Н. Анучин, придавала деятельности сибирских мировых судей «характер скачек с препятствиями» [22. № 51/52. С. 59].

Примененный порядок вопреки намерениям сделал мировой суд недоступным. В корреспонденции одного из популярнейших российских журналов «Русское богатство» имелось письмо из Иркутской губернии, где рассказывалось о создавшейся после сибирской судебной реформы ситуации: «В Сибири институт мировых судей введен уже около года, однако наше село еще не видало ни разу своего судьи в камере... Говорят, что местный судья все свое время посвящает обязанности следователя. Район, подлежащий ведению нашего судьи, так велик, дел, переданных ему дореформенными следователями, так много, что, по-видимому, мы не скоро дождемся мирового суда» [51. С. 170]. Из жалоб крестьян на юстицию, собранных в 1909 г. в Томской губернии, следовало, что из-за неурядиц, вызванных в том числе несудейской работой, правосудие в некоторых местностях вообще отсутствовало: где-то места судей по долгу оставались вакантными, годами без рассмотрения лежали уголовные и гражданские дела, ввергая сибиряков в состояние отчаяния и способствуя развитию опасной деятельности злоумышленников [23. Д. 63. Л. 79–83 об.]. Следовательскими обязанностями чрезмерно перегруженные судьи нередко попросту пренебрегали. Множеством возникающих дел и потерей большого количества времени на выезды в качестве следователей объясняли накопление дел в своих участках мировые судьи Ялуторовского уезда Тобольской губернии, а один из них вовсе перестал производить расследования преступлений [52. Д. 869. Л. 31–32; 53. Д. 31. Л. 45]. «Сибирские вопросы» рассказывали, что в Тюкалинском уезде никого не удивляло, если трупы с признаками насильственной смерти месяцами лежали без выяснения причин убийства

«чуть ли не в каждой деревне» [54. С. 85–86]; тобольский губернатор Д.Ф. фон Гагман также приводил факты продолжительного «окарауливания» населением тел убитых людей до начала следственных действий. В одном из сел такой мертвец без обследования пролежал 106 дней, и подобные случаи, по словам начальника, вызывали «ропот» местных жителей [55. С. 13].

Административные чиновники и судебные деятели края с самого начала понимали всю нелепость совмещения судебных и следственных функций. Статья 8 закона 13 мая разрешала распределять в городах следственные и судебные обязанности, чем в Сибири стали незамедлительно пользоваться. Общее собрание отделений Томского окружного суда на следующий день после установления новой юстиции в крае возложило на двух мировых судей Томска только судебные полномочия, на двух других – следовательские [56]. К 1905 г. в Тобольской губернии из 40 мировых судей 3 занимались исключительно ведением предварительных следствий и 5 исполняли лишь судебные обязанности [53. Д. 155. Л. 101–102]. К 1 января 1909 г. в Томской губернии 6 мировых судей являлись следователями, 6 – собственно судьями и оставалось 36 «смешанных», как их тогда называли, судебно-следственных мировых участков [23. Д. 162. Л. 11–16].

Сибирские правоведа единодушно выступали за разделение обязанностей в мировом суде. Члены Томского юридического общества в общей резолюции своей Судебной комиссии отмечали, что «необходимо освободить мировых судей от принадлежащей им в настоящее время следственной функции». В протоколах отдельных заседаний содружества юристов пояснялось: «По вопросу о неудобствах соединения в одном лице мирового судьи органов мировой юстиции и производства предварительных следствий все члены комиссии высказались в принципе за полное отделение следственной власти от судебной. Такое соединение представляет массу практических неудобств и отражается самым невыгодным образом на интересах населения. В качестве судебных следователей мировые судьи находятся под давлением прокурорского надзора, чины которого обладают обширным арсеналом средств для воздействия на мирового судью в целях возможно быстрого производства каждого следствия. Уделяя все свои силы и посвящая все время производству предварительных следствий, мировые судьи допускают крайнюю медленность в разборе дел мировой подсудности» [29. С. 3, 19]. Подобное мнение высказывалось и губернаторами. Так, последовательным сторонником членения судебных и следственных полномочий являлся Д.Ф. фон Гагман. Во всеподданнейшем отчете за 1909 г. он, констатируя, что «труд мировых судей достиг огромных размеров и справиться с ним, исполняя обе функции (судьи и следователя), стало непосильным», настаивал на их отделении друг от друга [55. С. 12–13].

Тем временем и в правительственных кругах сознание непригодности института судьи-следователя становилось все более устойчивым. После ухода горячего сторонника этого института Н.В. Муравьева (рассказывали, что намеревавшихся встретиться с главой Министерства юстиции предупреждали: «Если Муравьев вас спросит, удобно ли соединение обязанностей судьи и следователя, вы не выдумайте сказать, что неудобно – поставите себе крест; он не выносит такого мнения») [22. № 46/47. С. 36–37]) с поста главы судебного ведомства (назначен 22 января 1905 г. послом в Италию [57. С. 77]), в последнем обозначилась готовность отказаться от зарекомендовавшего себя наихудшим образом учреждения. В 1910 г. министр юстиции И.Г. Щегловитов в связи с предположением об увеличении состава сибирского мирового суда уже высказал неоспоримую мысль о необходимости раздробить мировые участки края на участки с мировой подсудностью и участки следственные [52. Д. 904. Л. 1]. 13 мая 1911 г. Государственная дума одобрила проект об увеличении штатов некоторых судебных органов империи, в том числе мировой юстиции Сибири [58. Д. 233. Л. 1, 52, 55–55 об.], получивший силу закона 28 мая. В дополнение к уже имевшимся вводились 21 должность мирового судьи в Томской губернии, 14 – в Тобольской, 9 – в Иркутской, 7 – в Енисейской и т.д. [59]. В густонаселенных районах теперь появилась возможность отказаться от совмещения судебных и следовательских обязанностей, что и было осуществлено незамедлительно: после внедрения нового территориального распределения сибирской мировой юстиции, например, в Тобольской губернии осталось лишь 6 «смешанных» участков [53. Д. 371. Л. 135–139], в Томской – всего 4 [21. Д. 321. Л. 11, 50–52].

С мировой юстицией сибиряки познакомились, когда уже «натянутая терпимость, с которой самодержавие относилось к суду ранее, сменилась неприкрытой враждебностью» и царизм находился «в состоянии войны с собственной судебной системой» [60. С. 475]. Разумеется, край, традиционно получавший от России блага по остаточному принципу, не мог рассчитывать на более передовую юстицию, чем та, какая бесповоротно уступала свои позиции в борьбе с консервативным напором завершающих десятилетий XIX в. Потеря независимости мирового института, реализация в его устройстве наиболее реакционных идей эпохи, вытекавшие из весьма противоречивой правительственной судебной политики [61. Р. 371–394] и вдобавок вызываемые окраинными условиями, оставляли еще меньше шансов на получение Сибири свобод, данных россиянам судебным преобразованием 1864 г. Лишенное многих либеральных качеств, правосудие региона к тому же строилось таким образом, что ни судьи, ни сибирское общество, ни, в конечном итоге, сама государственная власть не испытывали удовлетворения от новаций, опробованных в ходе применения Судебных уставов Александра II к Азиатскому Зауралью.

ЛИТЕРАТУРА

1. Полное собрание законов Российской империи (далее – ПСЗРИ). Собр. 3-е. Т. 16. № 12932.
2. Wcislo F. The Land Captain Reform of 1889 and the Reassertion of Unrestricted Autocratic Authority // Russian History. 1988. Vol. 15, № 2/4.
3. Обнинский П.Н. Мировые судьи и их преемники // Сборник правоведения и общественных знаний. Труды Юридического общества, состоящего при Императорском Московском университете, и его статистического отделения. СПб., 1895. Т. 5.

4. Всеподданнейший отчет министра юстиции за 1896 г. [СПб., 1897].
5. Taranovski T. The Aborted Counter-Reform: Murav'ev Commission and the Judicial Statutes of 1864 // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*. 1981. Vol. 29, № 2.
6. Российский исторический государственный архив (далее – РГИА). Ф. 1405. Оп. 542.
7. Общий обзор деятельности Министерства юстиции и Правительствующего Сената за царствование императора Александра III. СПб., 1901.
8. Plank T.E. The Essential Elements of Judicial Independence and the Experience of Pre-Soviet Russia // *William and Mary Bill of Rights Journal*. 1996. Vol. 5, № 1.
9. ПСЗРИ. Собр. 3-е. Т. 16. Отд. 2-е. № 12932, 12995; Т. 18. Отд. 2-е. № 15493.
10. Зиновьев В.П. Очерки социальной истории индустриальной Сибири. XIX – начало XX в. Томск, 2009.
11. Сибирь в составе Российской империи. М., 2007.
12. Крестьянников Е.А. Сценарии введения мирового суда в дореволюционной Сибири // *Вопросы истории*. 2016. № 9.
13. Высочайше утвержденная комиссия для пересмотра законоположений по судебной части. Объяснительная записка к проекту новой редакции Учреждения судебных установлений. Т. 2, ч. 2: Общие вопросы судостроительства. СПб., 1900.
14. Внутренне обозрение // *Русская мысль*. 1896. № 6.
15. Анненский Н.Ф. Хроника внутренней жизни. Судебная реформа в Сибири // *Русское богатство*. 1896. № 6.
16. РГИА. Ф. 1405. Оп. 87.
17. Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства. СПб., 1996. Т. 1.
18. Ю-ъ. Возрождение мирового суда // *Право*. 1907. 4 февраля.
19. Временные правила о применении Судебных уставов в губерниях и областях Сибири, с законодательными мотивами и разъяснениями / составил, с разрешения г. министра юстиции, член консультации при Министерстве юстиции М.П. Домерщиков. СПб., 1897.
20. Анучин В.Н. К десятилетию судебной реформы в Сибири // *Сибирская жизнь*. 1907. 1 июля.
21. Государственный архив Омской области. Ф. 25. Оп. 1.
22. Анучин В.Н. Пасынки Фемиды // *Сибирские вопросы*. 1909.
23. Государственный архив Томской области. Ф. 10. Оп. 1.
24. Назарьев В. Современная глушь. Из воспоминаний мирового судьи // *Вестник Европы*. 1872. № 3.
25. Сибирская хроника // *Восточное обозрение*. 1897. 23 июля.
26. РГИА. Коллекция печатных записок. № 101. Отчет о состоянии Тобольской губернии за 1897 г.
27. Н.С. Тобольские крестьяне о реформе суда // *Сибирские вопросы*. 1908. № 8.
28. Шольп Е.Г. Правовые нужды крестьян Енисейской губернии // *Право*. 1903. 27 апреля.
29. Реформа местного суда в Сибири // *Труды Юридического общества при Императорском Томском университете*. Томск, 1911. Вып. 2.
30. Полянский Н.Н. Мировой суд // *Судебная реформа* / под ред. Н.В. Давыдова и Н.Н. Полянского. М., 1915. Т. 2.
31. Витте С.Ю. Воспоминания. Детство. Царствования Александра II и Александра III (1849–1894). Л., 1924. Т. 3.
32. Кони А.Ф. Собрание сочинений. Т. 8 : Письма 1868–1927. М., 1969.
33. Розин Н.Н. Уголовное судопроизводство. Пг. : Юридический книжный склад «Право», 1916.
34. ПСЗРИ. Собр. 3-е. Т. 16. № 12483, 12995; Т. 18. № 15493; Т. 19. № 16490.
35. Мировая юстиция в России: создание, деятельность, историческая миссия / под ред. А.Д. Поповой, С.В. Лонской. М., 2016.
36. Гессен И.В. Судебная реформа. СПб., 1905.
37. Профессора Томского университета : биографический словарь. Вып. 1 : 1888–1917. Томск, 1996.
38. Михайловский И.В. К вопросу об уголовном судье. По поводу предстоящей судебной реформы. Нежин, 1899.
39. ПСЗРИ. Собр. 3-е. Т. 32. № 37328.
40. Из истории выборного мирового суда: (из доклада, прочтенного С.П. Мокринским 20 ноября в юридическом обществе) // *Сибирская жизнь*. 1914. 23 ноября.
41. Хроника законодательная. Преобразование судебной части и местных крестьянских учреждений // *Юридическая летопись*. 1890. Март.
42. Государственный архив Российской Федерации. Ф. 564. Оп. 1.
43. РГИА. Ф. 1149. Оп. 12.
44. Стаматов П. Судебные следователи и участковые судьи // *Журнал Юридического общества при Императорском Санкт-Петербургском университете*. 1897. № 8.
45. Сибирь в 1898 г. // *Сибирская жизнь*. 1899. 1 января.
46. Сибирская хроника // *Восточное обозрение*. 1897. 23 июля.
47. П. В-ий [Вологодский П.В.] Годовщина судебной реформы в Сибири // *Сибирская жизнь*. 1898. 2 июля.
48. Сборник статистических сведений Министерства юстиции за 1911 г. СПб., 1912. Вып. 27.
49. Вейсман Р.Л. Яркие недостатки сибирского суда // *Сибирские вопросы*. 1908. № 3/4.
50. А.Х. Мировой судья в Сибири // *Сибирские вопросы*. 1911. № 5/6.
51. Плотников М. Хроника внутренней жизни // *Русское богатство*. 1898. № 8.
52. Государственный архив в г. Тобольске (далее – ГАТ). Ф. 152. Оп. 37.
53. ГАТ. Ф. 158. Оп. 2.
54. Хроника // *Сибирские вопросы*. 1911. № 2/3.
55. РГИА. Коллекция печатных записок. № 101. Отчет о состоянии Тобольской губернии за 1909 г.
56. Томские губернские ведомости. 1897. 10 июля.
57. Прощание статс-секретаря Н.В. Муравьева с чинами Министерства юстиции // *Журнал Министерства юстиции*. 1905. № 2.
58. РГИА. Ф. 1158. Оп. 1.
59. ПСЗРИ. Собр. 3-е. Т. 31. № 35330.
60. Уортман Р.С. Властители и судии: Развитие правового сознания в императорской России. М., 2004.
61. Wagner W.G. Tsarist Legal Policies at the End of the Nineteenth Century: a Study in Inconsistencies // *The Slavonic and East European Review*. 1976. Vol. 54, № 3.

Статья представлена научной редакцией «История» 6 февраля 2017 г.

THE FEATURES OF THE STRUCTURE OF JUSTICES OF THE PEACE IN PRE-REVOLUTIONARY SIBERIA: ISSUES OF JUDICIAL INDEPENDENCE AND EXECUTION OF NON-JUDICIAL DUTIES

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2017, 417, 94–102.

DOI: 10.17223/15617793/417/14

Evgeniy A. Krestyannikov, Tyumen State University (Tyumen, Russian Federation). E-mail: krest_e_a@mail.ru

Keywords: judicial legislation; justices of peace court; Siberia.

In article the author considers the organization of the legal agency nearest to the population in a separate and specific part of the country. The judicial reform of 1864 established an elected and independent justice of the peace court in the Russian Empire, which underwent significant changes in the distribution in regions of the country and in 1889 was eliminated in the villages of European Russia. In Siberia, it was introduced at the end of the 19th century having experienced the consequences of the smaller role of judicial authorities in its structure. Justices of the peace were not elected and were deprived of tenure, their rank dropped, salaries decreased, they were granted non-judicial functions. All this limited the independence of the justice of the peace court, and was caused by the conservative government policy in the judicial sphere. Its spokesmen at that time were Minister of Justice Nikolay V. Muravyev and most of members of the 1894–1899 Commission he headed that was engaged in the revision of the provisions of the judicial statutes of Alexander II. Plans of capital officials to minimize the influence of the liberal element in the organizations of the Russian judicial system and economize public finances found application in experiments in the imperial borderlands which had negative or at least doubtful results. In Siberia, the justices of the peace overloaded with responsibilities and different official burdens did not cope with their duties, their service became unattractive, they did not have authority among the population, which they could count on in case of their independent status. Experience showed that the judicial power in the person of justice of the peace officials was not close to people; the incompatibility of their duties only distanced justice from the Siberians who declared their desire to have an electoral, independent and close court. Local lawyers, both practitioners and theorists (professors of Tomsk University), insisted on the implementation of the principle of judicial independence in organization of the justice of the peace court and on the exclusion of crime investigation from the list of its functions. Heads of judicial institutions of the region tried to rid judges from investigator's duties using the right granted by the law. In 1911, after increasing the justice of the peace court staff, the separation of judicial powers from investigative ones was considerably successful, but judicial autonomy restored in the local Russian courts in 1912 was not introduced in Siberia. In general, the experience of the decrease in the legal status of justices of the peace and their multifunctionality in the conditions of Siberia showed its insolvency.

REFERENCES

1. *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii* [Complete collection of laws of the Russian Empire]. Collection 3. 16:12932.
2. Wcislo, F. (1988) The Land Captain Reform of 1889 and the Reassertion of Unrestricted Autocratic Authority. *Russian History*. 15:2/4.
3. Obninskiy, P.N. (1895) Mirovye sud'i i ikh preemniki [Justices of the peace and their successors]. *Sbornik pravovedeniya i obshchestvennykh znaniy. Trudy Yuridicheskogo obshchestva, sostoyashchego pri Imperatorskom Moskovskom universitete, i ego statisticheskogo otdeleniya*. 5.
4. Ministry of Justice of the Russian Empire. (1897) *Vsepoddannyyshiy otchet ministra yustitsii za 1896 g.* [The report of the Minister of Justice for 1896]. St. Petersburg.
5. Taranovski, T. (1981) The Aborted Counter-Reform: Murav'ev Commission and the Judicial Statutes of 1864. *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*. 29:2.
6. Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 1405. List 542. (In Russian).
7. Ministry of Justice of the Russian Empire. (1901) *Obshchiy obzor deyatel'nosti Ministerstva yustitsii i Pravitel'stviyushchego Senata za tsarstvovanie imperatora Aleksandra III* [General overview of the activities of the Ministry of Justice and the Governmental Senate for the reign of Emperor Alexander III]. St. Petersburg: Senat. tip.
8. Plank, T.E. (1996) The Essential Elements of Judicial Independence and the Experience of Pre-Soviet Russia. *William and Mary Bill of Rights Journal*. 5:1.
9. *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii* [Complete collection of laws of the Russian Empire]. Collection 3. 16:2:12932.
10. Zinov'ev, V.P. (2009) *Ocherki sotsial'noy istorii industrial'noy Sibiri. XIX – nachalo XX v.* [Essays on the social history of industrial Siberia. 19th – early 20th centuries]. Tomsk: Tomsk State University.
11. Dameshek, L.M. & Remnev, A.V. (eds) (2007) *Sibir' v sostave Rossiyskoy imperii* [Siberia in the Russian Empire]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
12. Krest'yannikov, E.A. (2016) Stsenarii vvedeniya mirovogo suda v dorevol'yutsionnoy Sibiri [Scenarios for the introduction of the justice of the peace court in pre-revolutionary Siberia]. *Voprosy istorii*. 9.
13. Senatskaya tipografiya. (1900) *Vysochayshe utverzhennaya komissiya dlya peresmotra zakonopolozheniy po sudebnoy chasti. Ob"yasnitel'naya zapiska k projektu novoy redaktsii Uchrezhdeniya sudebnykh ustanovleniy* [The highly approved committee for the revision of the legal provisions on the judicial part. Explanatory note to the draft new edition of the Institution of judicial acts]. Vol. 2. Part 2. St. Petersburg: Senatskaya tipografiya.
14. *Russkaya mysl'*. (1896) Vnutrenne obozrenie [Internal overview]. *Russkaya mysl'*. 6.
15. Annenskiy, N.F. (1896) Khronika vnutrenney zhizni. Sudebnaya reforma v Sibiri [Chronicle of domestic life. Judicial reform in Siberia]. *Russkoe bogatstvo*. 6.
16. Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 1405. List 87. (In Russian).
17. Foynitskiy, I.Ya. (1996) *Kurs ugolovnoy sudoproizvodstva* [The course of criminal justice]. Vol. 1. St. Petersburg: Al'fa.
18. Yu-". (1907) Vozrozhdenie mirovogo suda [Revival of the justice of the peace court]. *Pravo*. 4 February.
19. Domershchikov, M.P. (1897) *Vremennye pravila o primenenii Sudebnykh ustavov v guberniyakh i oblastyakh Sibiri, s zakonodatel'nymi motivami i raz"yasneniyami* [The temporary rules on the application of the judiciary charters in the provinces and regions of Siberia, with legislative motives and explanations]. St. Petersburg: Izdanie Yuridicheskogo knizhnogo magazina N.K. Martynova.
20. Anuchin, V.N. (1907) K desyatiletuyu sudebnoy reformy v Sibiri [Towards the tenth anniversary of judicial reform in Siberia]. *Sibirskaya zhizn'*. 1 July.
21. State Archive of Omsk Oblast. Fund 25. List 1. (In Russian).
22. Anuchin, V.N. (1909) Pasyunki Femidy [Stepsons of Themis]. *Sibirskie voprosy*. 46–47.
23. State Archive of Tomsk Oblast. Fund 10. List 1. (In Russian).
24. Nazar'ev, V. (1872) Sovremennaya glush'. Iz vospominaniy mirovogo sud'i [The modern wilderness. From memoirs of the justice of the peace]. *Vestnik Evropy*. 3.
25. *Vostochnoe obozrenie*. (1897) Sibirskaya khronika [Siberian chronicle]. *Vostochnoe obozrenie*. 23 July.
26. Russian State Historical Archive (RGIA). *Kollektsiya pechatnykh zapisok. № 101. Otchet o sostoyanii Tobol'skoy gubernii za 1897 g.* [A collection of printed notes. No. 101. Report on the state of Tobolsk Province for 1897.].
27. N.S. (1908) Tobol'skie krest'yane o reforme suda [Tobolsk peasants on the reform of the court]. *Sibirskie voprosy*. 8.
28. Shol'p, E.G. (1903) Pravovye nuzhdy krest'yan Eniseyskoy gubernii [Legal needs of the peasants of the Yenisei Province]. *Pravo*. 27 April.
29. Trudy Yuridicheskogo obshchestva pri Imperatorskom Tomskom universitete. (1911) Reforma mestnogo suda v Sibiri [Reform of the local court in Siberia]. *Trudy Yuridicheskogo obshchestva pri Imperatorskom Tomskom universitete*. 2.
30. Polyanskiy, N.N. (1915) Mirovoy sud [The justice of the peace court]. In: Davydov, N.V. & Polyanskiy, N.N. (eds) *Sudebnaya reforma* [Judicial reform]. Vol. 2. Moscow: Ob"edinenie.

31. Vitte, S.Yu. (1924) *Vospominaniya. Detstvo. Tsarstvovaniya Aleksandra II i Aleksandra III (1849–1894)* [Memories. Childhood. The reign of Alexander II and Alexander III (1849–1894)]. Vol. 3. Leningrad: Gos. izd-vo.
32. Koni, A.F. (1969) *Sobranie sochineniy* [Works]. Vol. 8. Moscow: Yuridicheskaya literatura.
33. Rozin, N.N. (1916) *Ugolovnoe sudoproizvodstvo* [Criminal proceedings]. Petrograd: Yuridicheskii knizhnyy sklad "Pravo".
34. *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii* [Complete collection of laws of the Russian Empire]. Collection 3. 16:12483.
35. Popova, A.D. & Lonskaya, S.V. (eds) (2016) *Mirovaya yustitsiya v Rossii: sozdanie, deyatel'nost', istoricheskaya missiya* [World justice in Russia: creation, activity, historical mission]. Moscow: Prospekt.
36. Gessen, I.V. (1905) *Sudebnaya reforma* [Judicial reform]. St. Petersburg: Tipolitogr. F. Vaysberga i P. Gershunina.
37. Fominykh, S.F. (ed.) (1996) *Professora Tomskogo universiteta: biograficheskiy slovar'* [Professors of Tomsk University: biographical dictionary]. Vol. 1: 1888–1917. Tomsk: Tomsk State University.
38. Mikhaylovskiy, I.V. (1899) *K voprosu ob ugovnom sud'e. Po povodu predstoyashchey sudebnoy reformy* [To the question of the criminal judge. On the forthcoming judicial reform]. Nezhin: tipo-litografiya M. V. Glezera.
39. *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii* [Complete collection of laws of the Russian Empire]. Collection 3. 32:37328.
40. *Sibirskaya zhizn'*. (1914) Iz istorii vybornogo mirovogo suda: (iz doklada, prochtennogo S.P. Mokrinskim 20 noyabrya v yuridicheskom obshchestve) [From the history of an elected justice of the peace court: (from a report read by S.P. Mokrinsky on November 20 in a legal society)]. *Sibirskaya zhizn'*. 23 November.
41. *Yuridicheskaya letopis'*. (1890) Khronika zakonodatel'naya. Preobrazovanie sudebnoy chasti i mestnykh krest'yanskikh uchrezhdeniy [Chronicle of legislation. Transformation of the judiciary and local peasant institutions]. *Yuridicheskaya letopis'*. March.
42. State Archive of the Russian Federation. Fund 564. List 1. (In Russian).
43. Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 1149. List 12. (In Russian).
44. Stamatov, P. (1897) *Sudebnye sledovateli i uchastkovye sud'i* [Judicial investigators and precinct judges]. *Zhurnal Yuridicheskogo obshchestva pri Imperatorskom Sankt-Peterburgskom universitete*. 8.
45. *Sibirskaya zhizn'*. (1899) Sibir' v 1898 g. [Siberia in 1898]. *Sibirskaya zhizn'*. 1 January.
46. *Vostochnoe obozrenie*. (1897) *Sibirskaya khronika* [Siberian chronicle]. *Vostochnoe obozrenie*. 23 July.
47. P. V-iy [Vologodskiy P.V.]. (1898) Godovshchina sudebnoy reformy v Sibiri [Anniversary of the judicial reform in Siberia]. *Sibirskaya zhizn'*. 2 July.
48. Ministry of Justice of the Russian Empire. (1912) *Sbornik statisticheskikh svedeniy Ministerstva yustitsii za 1911 g.* [Collection of statistical data of the Ministry of Justice for 1911]. Vol. 12. St. Petersburg.
49. Veysman, R.L. (1908) Yarkie nedostatki sibirskogo suda [Vivid drawbacks of the Siberian court]. *Sibirskie voprosy*. 3/4.
50. A.Kh. (1911) Mirovoy sud'ya v Sibiri [The justice of the peace in Siberia]. *Sibirskie voprosy*. 5/6.
51. Plotnikov, M. (1898) Khronika vnutrenney zhizni [Chronicle of domestic life]. *Russkoe bogatstvo*. 8.
52. State Archive in Tobolsk (GAT). Fund 152. List 37. (In Russian).
53. State Archive in Tobolsk (GAT). Fund 158. List 2. (In Russian).
54. *Sibirskie voprosy*. (1911) Khronika [Chronicle]. *Sibirskie voprosy*. 2/3.
55. Russian State Historical Archive (RGIA). *Kollektsiya pechatnykh zapisok. № 101. Otchet o sostoyanii Tobol'skoy gubernii za 1909 g.* [A collection of printed notes. No. 101. Report on the state of Tobolsk Province for 1909]
56. *Tomskie gubernskie vedomosti*. (1897). 10 July.
57. *Zhurnal Ministerstva yustitsii*. (1905) Proshchanie stats-sekretarya N.V. Murav'eva s chinami Ministerstva yustitsii [Farewell of State Secretary N.V. Muravyov with the officials of the Ministry of Justice]. *Zhurnal Ministerstva yustitsii*. 2.
58. Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 1158. List 1. (In Russian).
59. *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii* [Complete collection of laws of the Russian Empire]. Collection 3. 31:35330.
60. Wortman, R.S. (2004) *Vlastiteli i sudii: Razvitie pravovogo soznaniya v imperatorskoy Rossii* [The rulers and judges: The development of legal consciousness in imperial Russia]. Translated from English by M.D. Dolbilov, S.L. Sevast'yanov. Moscow: Novoe Literaturnoe Obozrenie.
61. Wagner, W.G. (1976) Tsarist Legal Policies at the End of the Nineteenth Century: a Study in Inconsistencies. *The Slavonic and East European Review*. 54:3.

Received: 06 February 2017